

АЛЕКСАНДР ШУПИНСКИЙ

В ИГРЕ
ШАМАНОВ И БОГОВ

18+

Александр Шупинский

В игре шаманов и богов

<https://litres.ru/73102978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь Сергея, старшего следователя из Москвы, рухнула в одночасье.

Вынужденный поступиться своими принципами ради справедливости для своей семьи, он меняет столичные стены на богом забытый таймырский посёлок, где сталкивается со страшными мистическими событиями, уходящими корнями вглубь тысячелетий.

Древние верования местных племён самым неожиданным и опасным образом обретают для него реальность.

Содержание

Глава 1. Новый дом	4
Глава 2. Пудель	15
Глава 3. Трагедия	32
Глава 4. Снег, мороз и летающий медведь	37
Глава 5. Лодка	46
Глава 6. Кому жить, а кому умереть	54
Глава 7. Поиски и смерть	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александр Шупинский

В игре шаманов и богов

Глава 1. Новый дом

Таймыр

Я, как обычно, открыл глаза без пяти минут шесть. До звонка будильника занимаю себя всякими мыслями. Иногда ловлю себя на том, что в эти пять минут я думаю гораздо больше, чем за весь последующий день.

Вокруг меня всё та же гнетущая обстановка старого, побитого временем маяка, уже лет пятьдесят не выполняющего свою основную функцию, стоящего на всё том же богами забытом полуострове на побережье Карского моря.

Оглядевшись по сторонам в надежде увидеть что-то кроме обшарпанных стен и давно уже не такого прозрачного, как раньше, окна, сел на краю кровати, на которой до меня, по ощущениям, спали все зрители этого маяка на протяжении всего его стовосьмидесятилетнего существования. Когда они были вынуждены с неё встать, наверняка клали вместо себя мешок цемента, чтобы деформация не останавливалась ни на секунду. Вмятина на ней почти размером с меня. Перевели бы меня сюда лет на двадцать пораньше, я бы просто идеально в неё помещался.

Поставил на электроплитку ржавый чайник, рассчитывая на то, что сегодня я точно выпью чашку горячего чая перед ежедневным обходом вверенной мне территории, а не просто, уже одевшись в форму, поверну выключатель на плитке против часовой стрелки, так и не дождавшись, пока вода в нём вскипит.

Пока я сидел на кровати, выискивая глазами свои носки и смысл жизни, меня не покидала мысль о том, насколько контрастно моя нынешняя жизнь выглядит по сравнению с той, которая была всего год назад. Какой огромный карьерный скачок назад я совершил. От одного из лучших следователей Москвы до единственного полицейского на пятьсот километров вокруг. Зато, с другой стороны, конкуренция здесь отсутствует в принципе, по причине отсутствия других представителей охраны правопорядка, я и ещё пару лет буду лучшим патрульным во всей округе. Главное за это время не покрыться ракушками, подобно тем камням, что в огромном количестве лежат на берегу в нескольких метрах от моего маяка.

Да, думаю, я с уверенностью мог называть этот маяк своим, так как ключи от него ближайшие пару лет будут только у меня. Да и не так-то уж всё и плохо. Я посмотрел наверх, на закручивающуюся на высоту пятнадцати метров ржавую, давно не внушающую доверия лестницу. Кто может похвастаться пятнадцатиметровой высотой потолков в их жилище?

Облачился в форму, и по обыкновению, выключил электроплитку, так и не увидев клубов пара из чайника. Плохо начинать свой рабочий день без чашки чая. Надеюсь, отсутствие чая будет самым страшным событием за сегодняшний день.

Я взял со стойки винтовку, повыше поднял воротник куртки и надавил на дверь своего импровизированного жилища. Та, издав пронзительный металлический скрип, открылась. Ветер, ревя, на мгновение ворвался внутрь, сбросив со стола дорогие моему сердцу фотографии и письма.

Просмотр этих бумаг входил в мой ежевечерний ритуал. Каждый вечер, возвращаясь с обхода, я наливаю себе чашку крепкого таёжного чая с чагой и дикими ягодами, и принимаюсь за неспешный просмотр. В памяти всплывают обрывки прошлой жизни, одни из немногих, с которыми я никак не хотел расставаться.

Фотографий всего четыре. На одной фотографии Саша, внук, играет во дворе дома с друзьями в футбол. На второй счастливый ребёнок задувает свечи на торте, испечённом мамой в день своего десятилетия. Более чистой, неподдельной радости я не видел ни до, ни после. Две другие фотографии до сих пор ранят меня в самое сердце. Сделаны всего через три дня после этого дня рождения.

Даже год спустя всё случившееся давило на меня, как на огромной глубине толща воды давит на крохотный батискаф. Давило, пытаюсь вдавить меня под землю, в могилу.

Проникший внутрь свет осветил календарь у входной двери. На календаре двадцать пятое августа две тысячи двадцать третьего года. Завтра ожидается первый снегопад и своего рода небольшой юбилей, четырёхсотый рабочий день в этой чуждой городскому жителю земле.

За дверью, как и каждый день до этого, бушевал ветер. Перед глазами в очередной раз предстала довольно мрачная серо-зелёная картина, будто сошедшая с картины художника с очень скудной фантазией и всего двумя последними красками.

Скучный болотный ландшафт на ближайшие пару километров и кое-где торчат унылого вида одинокие крохотные деревца. Огромные, не пойми откуда взявшиеся камни причудливых геометрических форм лежали тут и там. Иногда казалось, что над формой этих камней потрудились не только ветер и вода, но и руки давно забытого древнего каменщика.

Приготовившись к ежедневному обходу двух, мягко говоря, не густонаселённых пунктов полуострова, я шагнул на тропинку, ведущую к дороге. К единственной асфальтированной дороге, соединяющей небольшой рыбацкий посёлок с другим небольшим рыбацким посёлком в шести километрах южнее. Если посмотреть на карту, то мой маяк и два этих посёлка составляют почти идеальный треугольник.

Для более продуктивной работы мне выделили мотоцикл и снегоход, которые, впрочем, я ни разу так и не заводил.

Считаю неправильным передвигаться по столь успокаивающей, обволакивающей тишине на таком шумном виде транспорта. Всё равно что ездить на мотоцикле по библиотеке. Никто не захочет вызывать на себя агрессию посетителей, склонившихся над книгой. Да и к тому же, учитывая среднегодовую температуру местности, мотоцикл здесь выглядит немного лишним.

Сделав пару шагов от маяка в сторону дороги, я остановился, вспомнил, что сегодня по плану обход поселений и никаких медведей не предвидится. Я вернул винтовку на место, закрыл дверь на ключ и отправился в патруль. На всё про всё обычно уходило от шести до восьми часов.

Сегодня хотелось бы разобраться со всеми делами чуть раньше. Вечером планируется грандиозное празднование моего дня рождения. Пятьдесят три годика. Придут все мои друзья из местных. То есть, никто. Я куплю у местного восьмидесятилетнего пекаря Николая Петровича мини торт, буду сидеть дома один, есть выпечку и читать книгу любимого писателя. Однако, неплохие планы, жду с нетерпением.

Спустя пару часов я достиг первого пункта назначения, рыбацкого посёлка Ближний. Тот, кто назвал его, обладал немалым чувством юмора, учитывая местонахождения поселения. Местные гордо именуют его Ближним городом, несмотря на население в сорок два человека. Не успел я ступить на единственную улицу в поселении, как услышал сбоку знакомый голос.

- Утро добренькое, настоящий полковник. В Багдаде всё спокойно!

Это была Лидия Михайловна Кротова, вечно улыбающаяся старушка, чей возраст угадать невозможно. Ориентировочно от девяноста до ста пятидесяти. Мать четверых детей и бабушка двенадцати внуков. Собственно, её семья составляла почти половину населения этого городка. Вся семья состояла исключительно из коренных жителей полуострова - нганасан.

Я до сих пор не понимаю, откуда все местные так быстро узнали, что меня перевели к ним в звании полковника. Я взглянул на неё. Уверен, не существует на планете Земля ни одного человека, который, взглянув на её морщинистое, улыбающееся лицо, смог бы сдержать ответную улыбку.

- Утро доброе, - ответил я и улыбнулся в ответ, - на подходе к Багдаду всё спокойно. Что творится внутри этого чудесного городка, узнаю через несколько минут.

- У нас, как всегда, всё всегда спокойно. Иначе и быть не может, никакие беды до нас не доходят, далеко мы от них. Это у вас, в больших городах, суета, злость, разбитые мечты. От них и беды все. - ответила она и принялась развешивать бельё.

Я отдал честь старушке и продолжил свой путь.

- Постой, сегодня ночью начнётся снегопад и сильный мороз. Посмотри, как быстро движутся тучи. Доберись до маяка до полуночи или заплутаешь и снег уведёт тебя из мира

живых, - почти прокричала она и показала на быстро движущиеся по небу тучи, будто я разбираюсь в местной погоде, как она.

Для меня облака и тучи выглядели точно так же, как и каждый день до этого, и двигались с той же скоростью.

- Холод - это замечательно. Как говорится, дольше сохранюсь, - ответил я.

Сколько здесь живу, всегда удивляюсь способности местных быстро менять тему разговора с приятной беседы на мрачные суеверия. «Сергей, выпейте нашего прекрасного чая. В нём местные травы и цветы. Напиток обладает не только прекрасным ароматом, но и лечебными свойствами. Только пейте быстрее, чтобы успеть дойти до маяка до наступления темноты. В противном случае дядяда утащат вас в Бодырбому». И всё в таком духе.

Весь местный фольклор я умудрился узнать чуть ли не в первый же день после приезда, посетив местную пивнушку. Дядяда – некие демоны, иногда служащие шаманам. Бодырбому – земля мертвецов, местный аналог ада. С первыми лучше не иметь никаких дел, иначе с большой вероятностью помрёшь в муках и лишишься души. Во второе при жизни лучше не попадать. Что произойдёт в противном случае, никто не знает, но точно ничего хорошего.

Я неспешно поплёлся дальше. А куда торопиться? Не прошёл и пятидесяти метров, как меня обогнал вездеход и, издав пронзительный металлический визг, остановился в паре

метрах спереди.

Водительская дверь открылась. Из кабины со стороны водителя с удивительной прытью выскочил Павел Григорьевич, семидесятилетний местный ветеринар тире врач.

- Доброе утречко, товарищ полковник. Увидел форму и сразу понял, что это вы. Или у меня здорово развита интуиция, или потому, что у нас тут всего один полицейский.

Коренных жителей этих земель можно безошибочно отличить от приезжих. Даже если забыть о миндалевидных глазах, акценте и национальных узорах в одежде. Дело в их постоянном позитивном настроении и чувстве юмора, шутить здесь любили все, от мала до велика. К тому моменту я чуть больше года был знаком с местным населением и ни единого раза не видел хотя бы одного человека из коренных в плохом или подавленном настроении. Я уже начинал думать, что людей в плохом настроении просто не выпускают из дома или убивают.

- Доброе, доброе, Павел Григорьевич. Будем надеяться, что таким и останется, - ответил я и пожал протянутую мне руку.

Ещё местные отличались чересчур крепким рукопожатием. Видя перед собой морщинистое лицо и сублильное телосложение, пытаешься не причинить боль, сдерживая силу при рукопожатии, и вот тут твоя рука попадает в тиски. В этот раз я, наученный опытом, пожал руку как следует.

- Как вы уже, я уверен, поняли, я не ради рукопожатия

остановился. На горизонте нарисовалась проблема, судя по всему, по вашей части. Дело не великой срочности, но хотелось бы разобраться. Заходите в Кирпич, может быть, можете нам. Если хотите, я могу вас подбросить через пару часов, как свои дела здесь закончу.

Кирпич - так называли единственную пятиэтажку, переоборудованную под отель, стоящую в центре Северного - второго поселения. В ней жило всё неместное население, волею судеб оказавшееся в здешних краях. В данный момент в Кирпиче проживало около двадцати человек. Восемь зоологов, четыре геолога, пара священников, несколько туристов на чемоданах и один блоггер. Если Лидия Михайловна права - а она сто процентов права - насчёт снега, то туристы уже сегодня должны будут покинуть Таймыр. В противном случае они могут застрянуть тут на всю зиму, на семь-восемь месяцев.

- Хорошо, как закончу обход, я подойду. Подвозить меня не стоит, я люблю ходить пешком. На прошлом месте не находился.

- Будем вас ждать, товарищ полковник.

Мы попрощались. Павел Григорьевич запрыгнул в вездеход и поехал по дороге, ведущей в сторону закрытой животноводческой фермы.

В своё время на этой ферме разводили пушного зверя. Песца, лис и ещё каких-то пушистых зверюшек. Никогда не одобрял такого рода предприятия, и был рад узнать, что эта пыточная давно закрыта. Хождение туда по рабочим делам

удовольствия мне точно не доставило бы.

Посёлок представлял собой скопление около трёх десятков одноэтажных домиков с низкими двускатными крышами. Кроме двух, все строения являлись жилыми домами местных жителей. Один был переделан под краеведческий музей, второй – под клинику, где лечили и людей и животных.

Краска на большинстве домов облупилась несколько десятков лет назад, но во всех до одного стояли современные дорогие двери и почти во всех - двойные стеклопакеты. Все дома располагались на одной улице с водонапорной башней в самом центре. Почти в каждом дворе стоял гусеничный вездеход - единственный транспорт, пригодный в этих краях к круглогодичному использованию. Я приблизительно помнил цены на вездеходы, на пенсии хотел купить себе такой, и те, которые увидел во дворах, были не из дешёвых. Каждый стоил около трёх с половиной миллионов. К слову, и телефоны у всех только самых последних моделей. Я тогда ещё не до конца понимал, чем тут люди зарабатывали на жизнь, но это занятие явно приносило немалые деньги.

Обход посёлка Ближний и прилегающей территории занимал у меня не многим более трёх часов. Полчаса на обход улицы с жилыми домами и территории вокруг них. Час на дорогу к берегу, до пристани. С завтрашнего дня, если ночью действительно начнётся мороз, эту часть ежедневного алгоритма можно будет убрать, лёд остановит всякое движе-

ние по воде. Затем около полутора часов на путь до оленьей фермы и обратно к посёлку.

На улице погода в точности повторяла каждый день до этого. В течение последних двух месяцев меня ежедневно встречал холодный, пронизывающий ветер. Ох уж этот тандем! Холодный ветер и окружающий депрессивный серый пейзаж. Эта парочка быстро могла бы сдвинуть набок крышу любому, даже самому психически стойкому человеку. Но, несмотря на то, в каком подавленном состоянии я приехал в эти края, мне казалось, здешняя атмосфера оказывала на меня лечебное действие. С каждым днём я чувствовал, как внутренние демоны постепенно растворялись в окружающих меня холоде и серости. Но, к моему удивлению, на их место приходило нечто другое. Труднообъяснимое чувство тревоги.

Закончив обход, как обычно, без каких-либо проблем, лишь перекинувшись парой слов с несколькими жителями, я направился ко второму посёлку.

Глава 2. Пудель

Таймыр

К Северному вела почти прямая, к удивлению, асфальтированная дорога. Она решительно отказывалась вписываться в здешний дикий пейзаж, будучи на ближайшие пятьсот километров единственным клочком асфальта. Ожидаешь увидеть проезжающие в обе стороны вереницы автомобилей, но единственным встретившимся транспортом был вездеход, который двигался вдоль дороги, избегая асфальта. Зачем вообще кому-то пришла в голову мысль соединить богом забытые посёлки асфальтированной дорогой?

С материковой части страны дорога до них не вела, и добраться до Норильска, ближайшего крупного города, можно было только по воде или воздуху. А с наступлением зимы, длящейся здесь почти десять месяцев, добраться сюда, как и уехать отсюда, будет практически невозможно. К слову, зима начинается с первым снегом, в эту полночь. Моя вторая зима в здешних краях.

По самым скромным подсчётам я проходил по десять километров в день, что избавляло меня от необходимости в утренней зарядке и других физических упражнениях. Вернулся домой, перекусил, посидел с любимой бумажной книгой или электронной, что презентовал мне брат, посмотрел немое кино на кинопроекторе, и лёг спать. Возможно, этим

вечером я выжму из себя несколько строк своего шедеврального романа-бестселлера или сборника стихов.

За целый год, что я здесь нахожусь, сегодняшняя просьба Павла Григорьевича стала единственным сколь либо важным событием. Мимо этого самого Кирпича пройти невозможно. Пятиэтажка возвышается над десятком одноэтажных домишек, словно средневековый замок среди крестьянских лачуг. Во времена СССР в ней жили рыбаки-промысловики с семьями. Тогда были заняты все квартиры до единой. Сейчас в неё селятся редкие приезжие, которых не пойми каким ветром занесло в эти края.

Выходит, что-то приключилось с одним из таких приезжих. В любом случае будет интересно вернуться к пусть и незначительному, но расследованию.

Шагая наедине со своими мыслями, я в голове перебирал все возможные причины, по которым могло понадобиться моё участие. На прошлом месте я в основном занимался расследованием серийных убийств, а здесь что? Воровство, мелкое хулиганство, драка или нечто серьёзное? Профессиональный интерес подгонял, дул в спину ветром, ускоряя мой шаг.

Посёлок Северный встретил меня громким лаем собак, в коих здесь, в отличие от Ближнего, недостатка не наблюдалось.

Звук работающих инструментов доносился из мастерской по ремонту всего, на чём передвигается местное население,

от велосипедов до лодок и вездеходов. Пётр Семёнович Иванов владел ей вот уже тридцать лет. Он вышел из здания мастерской, ругаясь и вытирая руки от машинного масла. Заметив меня, помахал мне рукой.

- Полковник, подождите, - крикнул он и подбежал ко мне.

На его лице виднелась тревога. Его явно волновало нечто большее, чем проблемы с очередным двигателем.

- Хорошего дня. Руки жать не будем, - улыбнулся он, глядя на свои ладони.

- День хороший, спокойный и умиротворяющий, - ответил я.

- Скорее всего, через несколько минут он таким быть перестанет, к сожалению. Зайдите в Кирпич в тринадцатую квартиру. Там что-то случилось, с самого утра шум стоит похлеще, чем из моей мастерской.

- Я как раз туда сейчас направляюсь, Павел Григорьевич уже попросил меня подойти. Но он сказал, что ничего серьёзного не случилось.

- Ничего серьёзного по его мнению, но явно не по мнению кого-то из постояльцев Кирпича. В любом случае, удачи. Место тут спокойное, и хочется, чтобы оно таким оставалось и дальше.

- Сделаю всё, что от меня зависит. Во имя спокойствия, - улыбнулся я, попрощался и пошёл к зданию отеля.

При первом взгляде на Кирпич понимаешь, что «Гостиница» или «Отель» - слишком громкие названия для этого

здания. За более чем шестьдесят лет противостояния с местной погодой здание приобрело, мягко говоря, унылый вид. Обшарпанные стены, деревянные рамы с мутными стёклами замечательно вписывали его в окружающий серый пейзаж. Из трёх подъездов более-менее новая дверь стояла на одном, на том, в котором жила управляющая гостиницей. С окнами история повторялась. Всего в трёх квартирах стояли современные стеклопакеты. Одной из них, разумеется, была квартира управляющей.

Обойдя здание, я вошёл в первый подъезд. Нужная мне тринадцатая квартира находилась на четвёртом этаже.

Уже на первом этаже я услышал громкий спор на грани с руганью, доносившийся откуда-то сверху.

- Я не уеду без неё и точка, - звучал возмущённый женский голос.

- Тогда вы застрянете здесь на десять месяцев. Думаете, это стоит того?

Разговор проходил на повышенных тонах и мог в любой момент перейти в выяснение отношений на кулаках.

- Так, так, дамы и господа. Прекратите! Чем бы вы тут ни занимались, сейчас во всём разберёмся вместе. Сделаем это мирно.

Женщины прекратили спорить. В той женщине, что стояла справа, я узнал управляющую Кирпича, Марию Леонидовну Кирпичёву.

- Сергей Лиров, местный страж...

- Вот, полицейский. Здесь есть полиция! Прекрасно! Хоть кто-то здесь попытается мне помочь вместо того, чтобы пугать десятью месяцами зимы, - прервала моё представление незнакомка.

Собранные в пучок иссиня-чёрные волосы, зелёные, словно два изумруда глаза и приятные, можно сказать, привлекательные черты лица. Она мне сразу напомнила какую-то актрису, вроде французскую, но я, как ни старался, никак не мог вспомнить, какую именно. Так же бросились в глаза её нездоровая худоба и крайне измождённый вид. Тогда я связал это с работой на износ, чем грешат многие увлечённые своей работой личности.

- Полиция здесь есть. И вся она сейчас стоит перед вашими глазами. Что случилось? Всё решим, во всём разберёмся.

- Рада это слышать. Пройдите в мою комнату, пожалуйста. По коридору вторая дверь направо. Та комната, из которой сейчас дует ветер.

Управляющая стояла, подобно гигантскому валуну, молча, скрестив руки на груди. Весь её вид давал понять, что она не сдвинется ни на миллиметр от своей позиции в споре.

- Обувь можете не снимать, коридор и мою комнату уже успели превратить в проходной двор, - добавила незнакомка.

По коридору туда-сюда ходили люди, торопливо складывая в чемоданы и сумки свои вещи. Готовились отплывать в Норильск. В город, насквозь пропахший серой.

В комнате меня ждала довольно странная картина. Правая

сторона оконной рамы отсутствовала. Выглянув на улицу, я увидел её на земле метрах в пятидесяти от здания отеля.

На полу стояли две миски, одна с кормом, вторая с водой. Но никакого животного я не заметил. Первая версия произошедшего нарисовалась сама собой. Животина сбежала, выбив оконную раму и сиганув с четвёртого этажа. Ага, конечно, при этом она откинула раму на пятьдесят метров от здания? Это что за собака Баскервилей тут обитала?

Стоять и строить версии можно до бесконечности, но ведь проще спросить, что произошло. С этим проблем не возникло, женщины стояли у двери в комнату и смотрели на меня, ожидая услышать результаты расследования.

- Простите, я не представилась. Марина Ермолаева, руководитель зоологической экспедиции в ваши края, - сказала женщина.

- Очень приятно, Сергей Лиров, с недавних пор обитатель этих краёв и здешний страж порядка.

- Что, по-вашему, здесь произошло?

- Собачьи миски есть, но собаки я нигде не видел. Учитывая ваши слова о том, что вы не уедете отсюда без кого-то, могу сделать выводы, что кто-то украл вашего питомца. В пользу этого говорит и то, что часть разбитого стекла лежит внутри комнаты, значит, окно разбили извне. Но как в это событие вписывается отлетевшая на большое расстояние оконная рама, я пока не понимаю.

- В основном вы правы, кто-то украл мою Дороти. И сде-

лал это очень странным и наглым способом. Сегодня утром Дороти, как обычно, сидела на подоконнике. Она очень любит смотреть в окно. Я хотела всего на минуту выйти из комнаты по делам, нужно было взять у моих коллег пробы воды и грунта. Но как только я стала открывать дверь в подъезд, раздался страшный грохот из комнаты. Звук удара, треск ломающихся досок и звон стекла. У меня аж ноги подкосились. Я быстро вернулась в комнату и застала вот эту картину. Всё раскидано, Дороти нет, окно валяется в километре от дома. Я сразу же выглянула в окно, но никого не увидела.

- Во сколько всё это случилось?

- В пятнадцать минут восьмого. И знаете, что меня во всём этом и без того странном деле, удивило? То, что всем здесь совершенно наплевать на случившееся. Все говорят лишь о том, что нам нужно сегодня уехать, иначе дооооооолгая зима всех нас поглотит чуть ли не на десять месяцев. Моя команда через час покинет этот проклятый полуостров на лодке вместе с остальными постояльцами. Я останусь здесь до тех пор, пока не найду свою собаку. Она для меня как член семьи, и вы хотите, чтобы я вот так её бросила? Да хрена вам всем! Поняли? Если понадобится, буду зимовать здесь все грёбаные десять месяцев. Пойду помогу команде со сбором вещей и отправлюсь на поиски Дороти.

С этими словами она вышла из номера, громко хлопнув дверью. Хозяйка отеля проводила её взглядом и повернулась ко мне.

- За всю свою жизнь не припомню ничего похожего. А я всю жизнь здесь прожила. Чтобы собаки вылетали из окон? Где это видано? Был бы это первый этаж, ещё можно подумывать на белого медведя. Хотя медведи не подходят близко к поселениям. Но мы на четвёртом этаже. На четвёртом! Чувствую, не к добру всё это, ой не к добру. Этот пудель может быть лишь началом чего-то очень плохого. Извините, надо срочно идти, поговорить с одним человеком.

С этими словами она поспешно удалилась из номера.

Проработав в органах без малого тридцать лет, я многое видел, и о многом мне приходилось слышать. Люди во время ссоры, депрессии или находясь в алкогольном или наркотическом опьянении, выбрасывали домашних животных в окно. Иногда даже собственных детей. Много повидал, всякое бывало. Но тут явно что-то нечисто. Кому здесь понадобилось воровать собачонку? С их заработками любой местный может позволить себе целое стадо пуделей, запрячь их в сани и кататься туда-сюда.

Я решил спуститься вниз и осмотреть территорию вокруг дома. Вдруг удастся найти что-то, что наведёт меня на след похитителя или, в крайнем случае, найду перья из крыльев, на которых пудель выпорхнул из окна и скрылся меж облаков.

На выходе из подъезда меня почти сбил с ног вбегающий внутрь молодой человек. До этого момента я его никогда здесь не видел. Парень лет чуть больше тридцати, с длинны-

ми волосами, завязанными в хвост и кепкой с надписью «Нет асфальта – нет правил». Либо он негодует по поводу состояния дорог в стране, либо он владелец лодки, что привезла сюда людей.

Остановившись возле меня, он со всей силы заорал, глядя вверх:

- Мы остались без лодки!

- Что значит остались без лодки? – переспросил я его.

- Моторы оторвали от корпуса. Словно какая-то чёртова белая акула отгрызла их вместе с куском лодки. Ласточка лежит на дне. Можете пойти посмотреть, благо вода здесь кристально чистая.

Затем он вышел из подъезда и, набрав побольше воздуха в грудь, крикнул:

- Мои поздравления, мы зимуем здесь.

- Благодарю, но я и так зимую здесь. Если я уеду на материк, полуостров останется без полиции.

- Извиняюсь, только заметил форму. Немного нервничал, знаете ли. Первое крушение как-никак. Александр Гришин, с некоторых пор капитан подводной лодки.

- Сергей Лиров, полицейский всея Таймыра. Смотрю, вы не унываете. Вы идеально впишетесь в местное население. Прошу меня простить, надо разобраться с первым делом, прежде чем переходить к лодке.

- Без проблем. Я, кстати, никогда не видел участкового в звании полковника. Если верить вашим погонам. Страшно

представить, за какие такие грехи вас сослали в такую даль.

- Кому-то страшно представлять, а кому-то страшно вспоминать. Каждому своё, - сказал я, и вышел из подъезда.

К этому моменту к капитану подводной лодки стали стягиваться люди и вступать с ним в весьма активную беседу. Некоторые с большими рюкзаками за спиной и чемоданами в руках.

Обогнув пятиэтажку, дошёл до лежащего на земле куска рамы. Отсюда всё случившееся выглядело ещё страннее. Измерив точное расстояние, я выяснил, что рама отлетела от дома на шестьдесят три метра. Всё вполне сходилось, если в комнате произошёл бы взрыв, и пуделя вместе с рамой выкинуло на улицу взрывной волной. А так выходит, что кто-то некоторое расстояние нёс раму по воздуху. Альбатрос? Да, это огромные птицы, но пролети он сквозь окно, неминуемо порезался бы и оставил перья и кровь в комнате. И нахрена ему тащить с собой раму? Не мог определиться, что ему нужнее, рама или пудель?

У подъезда собрались все постояльцы и что-то обсуждали с хозяйкой отеля и механиком. Иногда кто-то переходил на повышенные тона.

- Пожалуйста, успокойтесь. Расходитесь по номерам, платы я с вас не возьму. Криками делу не поможешь. Мы попробуем что-нибудь придумать, чтобы увезти вас с полуострова, - успокаивала их управляющая.

В тот момент я был с ней полностью согласен.

- Обещаю, я обязательно найду виноватого в порче лодки. Отправить вас на... - начал я, подходя к толпе, но был прерван владелицей пуделя.

- Вы сначала собаку мою найдите, а потом уже обещайте нам что-то.

- Собаку найду, не волнуйтесь. Но начну я, пожалуй, именно с лодки. Уверен, большинство поддержит именно эту очерёдность.

- Меня ждёт семья, я и так тут почти три месяца торчу, - выкрикнул кто-то из толпы.

- Да всех нас кто-то или что-то ждёт дома, - выкрикнул другой мужчина.

- Мария Леонидовна, разместите людей и приготовьте списки всех постояльцев, через полчаса заберу их, - сказал я управляющей и быстрым шагом удалился в сторону импровизированной пристани.

Собственно, пристанью называли находившуюся метрах в трехстах от поселения небольшую вырытую заводь с несколькими бетонными блоками на берегу. В воду на несколько метров вдавался двухметровый деревянный помост, сбитый из неоструганных брёвен и горбыля. К одному из брёвен несколькими витками крепился канат, другой его конец уходил под воду.

Ещё за несколько метров до помоста я заметил под водой верхушку кабины лодки с торчащим из него крошечным флагом России.

Чистота воды позволяла мне разглядеть всю лодку, стоя на краю помоста.

Лодка как лодка, ничего особенного сказать о ней не могу, я никогда в них не разбирался. Но было там что-то, что объяснить я никак не мог. За этот день это уже вторая вещь, после летающего пуделя, которой я не мог найти объяснение.

На том месте, где должны находиться моторы, зияла внушительных размеров полукруглая дыра с зазубренными краями. Кто-то очень хотел имитировать укус какой-то огромной твари? Тогда, надо сказать, у него неплохо получилось. Эта лодка прекрасно смотрелась бы в любом голливудском фильме про огромных акул.

К тому времени на улице начинало темнеть. Последний серый день начинал сменяться первым белым. Грядёт суровая долгая зима.

Я зашёл в гостиницу, взял список постояльцев поневоле и, предварительно поговорив с некоторыми из них, отправился к себе домой. На границе посёлка я заметил пытающегося быть незаметным мальчугана. Он стоял за забором и наблюдал за мной сквозь щель между досок. Я прошёл мимо, сделав вид, что не замечаю его.

- Здравствуйте, дядя полицейский, я хочу помочь найти Дороти, - окликнул меня мальчишка.

Паренёк выглядел так, словно сошёл с серии открыток о коренных народах России. Куртка из шкуры оленя в бело-красных цветах, меховые унты, варежки и капюшон.

- И ты здравствуй. Чем же ты можешь помочь, маленький детектив?

- Я кое-что видел.

Паренёк, словно испугавшись своих же слов, отпрыгнул в сторону и прижался спиной к забору. Посмотрел на крышу гостиницы, и, успокоившись, продолжил.

- Сегодня утром папа послал меня в гараж к дяде Пете за инструментами.

- Во сколько это было, ты помнишь?

- В пять часов я проснулся. Мама разбудила. Потом я умылся, позавтракал, и папа отправил меня к дяде Пете. Получается, в половине шестого.

- Хорошо, это было важно. Всего за несколько минут до похищения Дороти. Продолжай.

- Я отошёл от дома и увидел тень. Вон там.

Он показал пальцем на то место, где заканчивалась тень от гостиницы.

- Ты увидел тень кого-то, кто был на крыше?

- Да. Оно сидело на крыше.

- Что значит оно? И почему не он или она?

- Я испугался смотреть туда, подумал, что чудовище нападёт на меня, если я посмотрю на него. Я спрятался за гараж. Я сразу услышал шум и как разбивается окно.

- Молодец, храбрец. Твои родители могут тобой гордиться. Можешь описать то чудовище, чью тень ты видел?

- У него было несколько крыльев, и двигался он быстро,

очень, очень быстро. Больше я ничего не видел.

Если бы мне такое сказали в Москве, я на этого человека мгновенно повесил бы ярлык наркомана, пьяницы или психа. Но здесь другое дело. Другие преступления и другие виновные. На данный момент быстрый летающий многокрылый монстр - моё лучшее объяснение случившегося с собакой. Собственно, следы на корпусе лодки заставляли меня склоняться к версии, что это тоже дело не человеческих рук.

- Хорошо, ещё раз благодарю тебя от лица всех местных полицейских. От лица всего отдела.

- От всех? Дядя, я знаю, что вы один у нас работаете.

- Ах ты. Всё-то ты знаешь, - улыбнулся я, - давай, беги домой и, если получится, не рассказывай больше никому эту историю. Не нужно лишний раз пугать людей.

Я достал из кармана шоколадку «Сникерс» и дал её мальчишке. Тот схватил её, поблагодарил меня и убежал в сторону одного из домиков.

В день приезда я привёз сюда целый ящик шоколадок. Михаил, хозяин лодки, что привезла меня сюда, смотрел на меня, мягко говоря, как на идиота. От посрамления меня спасла лишь разница в возрасте и, возможно, в звании. Я и сам понимал, что можно было взять ящик куда более полезных вещей, но для меня нет лучше средства, чтобы вдали от дома быстро пополнить запас энергии. А, по словам полицейских из Норильска, купить здесь такие шоколадки зимой не представляется возможным. К тому же, даже если не

съём сам, использую их для создания сети осведомителей из местной детворы.

Не сказал бы, что поверил мальчишке, но на всякий случай полученную информацию на ус намотал. Так или иначе, она будет для меня полезна. Как минимум, очень быстрый летающий будет добавлен к моим знаниям о местном фольклоре.

Ветер поднимался. Я высоко поднял воротник и пошёл по тропинке, ведущей к маяку. Но не успел я пройти и десяти метров, как меня остановил чей-то голос.

- Вечер добрый, подождите, пожалуйста.

Ко мне подходил мужчина в рясе. В одной руке он держал толстую книгу в чёрном переплёте, другой придерживал висящую на плече сумку для ноутбука. В паре метров позади него стоял второй мужчина в рясе и неуклюже перебирал чётки двумя руками.

- И вам добрый вечер, святые люди. Какими ветрами вас занесло в такую даль?

- По церковным делам. Отец Димитрий и отец Иннокентий. Мой друг, отец Иннокентий, немой от рождения.

Он, не поворачиваясь, указал рукой с библией на человека, стоящего позади него.

- Мы приехали из Храма Покрова Пресвятой Богородицы. Не буду мучить вас вопросами о том, уедем мы отсюда или нет. Меня волнует другой вопрос. Не грозит ли нам что-то, пока мы здесь живём? На пуделе и лодке всё закончится или

нам есть, чего бояться?

- Из храма? Это хорошо. Мне будет спокойнее, зная, что рядом человек божий. А по поводу бояться вам или нет, пока ничто не говорит мне о том, что вам что-то угрожает.

- Рад это слышать. Я буду молиться об успехе вашего расследования. А собачку всё-таки жалко. Странно всё выглядит. Не выросли же у неё крылья.

- На это могу ответить вам на вашем языке. И посмотрел Господь на печально смотрящую в небо тварь, и сказал он «Лети», и выросли у неё крылья, и полетела тварь, став первой птицей. Евангелие от Гавриила, глава шестая, стих третий. Одно время я немного изучал святыя писания. Нигде не написано, что это написали не о пуделе.

Святой отец улыбнулся. Одобрительно покачал головой.

- Знание святого писания приближает вас к царству божьему.

Затем перекрестил меня и, не спеша, вместе со своим другом, пошагал в сторону Кирпича.

Тогда я не понял, неужели священник принял мою только что выдуманную шутку за правду? Да и немота второго священника выглядела нелепо. Как же он смог стать священником, не читая проповеди и не проводя другие церковные ритуалы?

На полпути к маяку погода резко изменилась. Поднялся нешуточный ветер, принеся с собой накрывающий землю белым покрывалом снег. Я шёл, оставляя следы, которые заме-

тало буквально через мгновение.

Закрыв за собой дверь, я оставил по ту сторону уже совсем другой мир. Бескрайнюю белую пустыню.

Глава 3. Трагедия

Москва

Несколько часов назад я, по обыкновению, участвовал с группой спецназа в задержании банды нелюдей, в течение полутора лет убивающих коллекционеров антиквариата в Московской области. Во время операции, хотя бандиты были вооружены до зубов, обошлось без потерь и серьёзных ранений. Думаю, Володька со мной бы не согласился. В данный момент он лежал в больнице с парой на сто процентов совместимых с жизнью пулевых отверстий. Ранения пришлись во внешнюю сторону бедра, так что паховая артерия не задета и риска для жизни нет. Шрамом больше, шрамом меньше, какая разница? На нём уже и так от шрамов клейма ставить некуда. Отвага и слабоумие Володьки стали легендой, но никак не влияли на его эффективность.

Многие удивлялись, почему я всё ещё участвую в операциях по захвату, ведь меня, можно сказать, повысили за выслугу лет, вклеив звезду на погоны и переведя на менее рискованную работу. Для меня ответ прост – я был членом этой группы более пятнадцати лет и просто не мог позволить своим товарищам рисковать своими жизнями без меня.

На счету обезвреженной банды шесть убийств, девять раненых и хищения на общую сумму более трёхсот миллионов рублей. Крали иконы, монеты из драгоценных металлов,

ювелирные украшения, дорогой фаянс и фарфор, картины и многое другое. Большую часть к моменту задержания они продали, но это уже были не наши проблемы. Наше дело - остановить грабежи с убийствами, что мы и сделали. Финансовыми расследованиями займётся уже другая группа.

Мы всей компанией в шесть человек сидели в кафе возле Тимирязевских прудов, ели, пили, не забывали фотографировать нашу весёлую компанию для последующего пересыла в больницу Володьке. Он, в ответ на наши фото, присылал фотографии с женой, сидящей возле его койки. Фотографии сделаны под странными углами и явно без её ведома. Лицо Ольги не предвещало ни для него, ни для нас ничего хорошего. Судя по всему, он находился в процессе крайне неприятного разговора. Хотя, зная его, могу с уверенностью сказать, что он находился в процессе монолога. Выслушивал, со всем соглашался и надеялся, что и в этот раз пронесёт.

После его сообщения «Вы следующие» мы, от греха подальше, прекратили присылать ему сообщения. Помню, несколько раз его жена приходила к нам в отдел со скандалами по поводу очередного ранения, мол, вы не прикрываете моего мужа, он один за вас за всех отдувается. Не скажешь же ей, что отчасти так оно и есть, что её муж вечно лезет на рожон в первых рядах. Володька безмерно и непоколебимо верил в свою неуязвимость. И, насколько мне известно, до самого моего отъезда у него всё было хорошо. Надеюсь, так оно и по сей день. После получения майорских погон он

планировал завязать с оперативной работой и перейти на работу с бумажками. Говорил, что сделает тем самым подарок жене на сорокалетие.

В этом кафе нас любили и, надо сказать, ценили. Каждый раз говорили, что еда и напитки за счёт заведения, но мы всегда всё оплачивали. Колька подсчитывал все заказы, и мы скидывались. Ежели подумать, им есть за что нас ценить. Никто не посмеет вредить кафе, где регулярно отдыхает группа спецназа.

К сожалению, это был мой последний день в их заведении. Они как раз добавили рыбное меню, но моим планам попробовать его не суждено было сбыться.

В самый разгар веселья раздался звонок. Звонил старший брат с личного телефона. Я сразу понял, что дело плохо. Каждый такой звонок начинался с плохих новостей, от какой-то ерунды вроде: «Моей жене приснился про тебя плохой сон», до каких-то проблем на работе. Этот звонок навсегда перевернул всю мою жизнь.

- Серёг, мне очень жаль, но я посчитал, что лучше я сообщу тебе эту новость, чем кто-то другой. Маша с Санькой попали в аварию, их доставили в четвёртую городскую. Я уже еду туда.

- Дочка попала в аварию с внуком, - бросил я, пулей выскочил из кафе и запрыгнул в авто.

Не успел я нажать на газ, как в машину запрыгнули остальные члены команды.

Я рванул, что было силы, иногда плюя на некоторые правила дорожного движения. На севере Москвы дпсники хорошо знали мою машину и смотрели сквозь пальцы на нарушения, к тому же я никогда не нарушал правила, подвергая при этом риску чьи-то жизни.

На подъезде к больнице образовалась небольшая пробка, в которой застряли и несколько машин скорой помощи.

- Дальше я пешком, спасибо вам всем, - сказал я друзьям и побежал к больнице.

Я бежал изо всех сил, маневрируя между прохожими, не обращая внимания на недовольные возгласы случайно задеваемых мной людей.

Брат уже ждал меня у входа.

- Где? – спросил я, игнорируя протянутую в приветствии руку. В тот момент я не мог думать ни о чём, кроме здоровья дочери и внука.

Он жестом позвал идти за ним, но я показал на трость у него в руках и настойчиво повторил вопрос. У Никиты с детства проблемы с ногами, и он сильно хромал. Идти за ним означало потерять пару минут, чего я не мог себе позволить.

- Пятый этаж, хирургия.

Спустя пару минут я препирался с молодым врачом, перегородившим мне путь в отделение.

- Всё равно, кем вы ему приходитесь, идёт операция, и никто не может отвлекать хирурга. Вы должны спуститься вниз и подождать конца операции в приёмном отделении.

Я взял над чувствами контроль и, прежде чем уйти, спросил, какие у них шансы.

- Ваша дочь в порядке. Два несложных перелома и сотрясение мозга, она отдыхает в седьмой палате на втором этаже, сможете с ней поговорить через пару часов, как закончится действие седативных. По поводу внука, к сожалению, ничего сказать не могу, подождите окончания операции. В любом случае вы не сможете его увидеть сразу после операции, он будет в реанимации.

Хотя я оказывался в больнице много раз, время никогда не тянулось так долго. Через пару часов мне удалось навестить дочь в травматологии и убедиться, что с ней всё в порядке, и потом я снова вернулся в приёмное отделение. Я вздрагивал от каждого звука, ожидая появления врача с новостями.

Хирург вышел без трёх минут двенадцать, почти в полночь. Операция длилась более тринадцати часов. К этому моменту в приёмном кроме меня уже никого не осталось, поэтому врач сразу направился ко мне.

Ему не требовалось произносить ни единого слова, по его выражению лица я всё и так понял.

- Вы родственник Саши? – тихо спросил он.

- Он мой внук.

- Мне очень жаль. Мы сделали всё, что могли. Внутренние повреждения были слишком обширны.

Глава 4. Снег, мороз и летающий медведь

Таймыр

На следующее утро улица встретила меня страшной пургой. Сильный ветер без устали бомбардировал куртку хлопьями снега, будто пытаюсь пробить в одежде дыру и выгнать из-под неё всё тепло.

Здесьшний снег сильно отличается от того, с которым мне приходилось иметь дело ранее. Не сгребни ты его оперативно, и он превратится в лёд за каких-нибудь пять-шесть часов.

Я смёл с крыльца и окон накопившийся за ночь снег и, несмотря на очевидную непогоду, в которую никто и носу бы из дома не высунул, пошёл на юго-восток. Там, в пятнадцати километрах, на другой стороне озера Ледяного, могли остаться медведи без следящего устройства на ухе, что грозило их неожиданными встречами с людьми.

«Посиди, подожди пока пройдёт непогода и тогда, не боясь заблудиться и погибнуть на бескрайних просторах Таймыра, иди и выслеживай своих медведей» - подумал бы любой здравомыслящий человек. К тому же медведь – не тот зверь, с которым вы хотели бы встретиться в сильную пургу, имея лишь винтовку с транквилизаторами. Но я будто специально искал трудностей. Казалось, только преодолевая

трудности я не перестаю чувствовать себя живым.

Довольно быстро я нашёл в этой работе для себя какой-то смысл и подходил к делу со всей ответственностью. Два дня в неделю до вечера я из полицейского превращался в узко-специализированного зоолога, в обязанности которого входил поиск медведей и закрепление на их ушах трекера для отслеживания.

Я понимал, что в такую метель шансов не то, что попасть по медведю, но и просто разглядеть его следы на снегу стремятся к нулю. Почему тогда я вышел из тёплого жилища? Я и сам не могу ответить на этот вопрос. То ли подобные прогулки позволяли очистить голову от дурных мыслей, то ли каким-то образом давали мне стимул жить. А может, и то, и то. Но каждое утро выходных в течение двух месяцев в одно и то же время, несмотря на непогоду, я собирался и шёл обходить один из квадратов доверенной мне территории.

Прошло почти полтора года со смерти моей дочери и внука, и год месяца с тех пор, как я ушёл с должности старшего следователя по особо важным делам, покинул квартиру и переехал сюда. Здесь как раз искали участкового-лесничего. «Участковый с небольшими дополнительными обязанностями» - как мне сказал брат. Собственно, его молитвами я сюда и попал. Скорее всего, своим вмешательством он спас мне и жизнь и звание. Уверен, альтернатива этой поездки была для меня билетом в один конец.

Я и спрашивать не стал, что за такие дополнительные обя-

занности, просто подписал бумаги и уехал за три тысячи километров от столицы. Посёлки обходить, да медведям на уши GPS-трекеры цеплять.

Сегодня предстояло пройти по камням и первому снегу немногим более восьми километров. Затем нужно дойти до Кирпича, попытаться разузнать что-то новое и немного успокоить постояльцев. Хотя чем я мог их успокоить? Они, как и я, будут вынуждены провести здесь всю долгую зиму. Разница между нами лишь в том, что я нахожусь здесь по своей воле.

Хоть снег и можно назвать первым, выпало его довольно много, чуть выше щиколотки.

Спустя несколько часов борьбы с непогодой я вышел к заливу Длинной руки, как называли его нганасаны. Залив представлял собой узкую, но довольно длинную, покрытую льдом часть озера, обходить которую вдоль берега у меня не было никакого желания. Но это экономило около часа времени. Из разговоров с нганасанами я знал опасность и непредсказуемость здешних льдов.

Несмотря на то, что зимы здесь крайне суровые и температура очень низкая, лёд на местных озёрах на протяжении всей зимы в некоторых местах может быть толщиной меньше сантиметра. Местные говорили, что это духи воды своим дыханием подтапливали снизу лёд, превращая внешне безопасную поверхность в страшную ловушку. Один неосторожный шаг - и вот ты барахтаешься в ледяной воде. Затем, если по-

везёт, не без труда вылезает на крепкий лёд, но в течение пяти минут умираешь от переохлаждения.

Преодолев своё нежелание покидать тёплый маяк, я двинулся в путь. За следующие четыре часа не встретил ни единой живой души. Ни следа. Но на обратном пути случилось очень странное событие, которое я свалил на сломанное устройство отслеживания. Любой на моём месте решил бы, что такого просто не может быть.

Уже поднимаясь на небольшой утёс, на котором размещалось моё новое жилище, я сквозь завывающий ветер услышал истошный звук сигнализации висящего на поясе отслеживающего устройства. Без этого прибора можно легко подпустить к себе медведя или выстрелить в уже помеченного. Только в этот раз всё было очень странно, не как всегда. Обычно при приближении на сто метров срабатывал негромкий сигнал и постепенно, по мере приближения к медведю, становился всё громче. Сейчас сигнал за несколько секунд набрал максимальную громкость и столь же быстро затих. Словно медведь с огромной скоростью пронёсся мимо меня. Решив, что при следующей поездке в посёлок я отнесу прибор на проверку, я зашёл в свой дом. Подобные проблемы с оборудованием не могли привести ни к чему хорошему, и только усложняли и без того непростую работу.

Ставшие родными стены встретили меня слабым теплом потухшей дровяной печи и почти неуловимым запахом орхидеи, одиноко цветущей на единственном подоконнике.

Орхидеи, любимые цветы моей дочери. Этот прекрасный и хрупкий цветок – вот и всё, что я взял с собой из квартиры при переезде. Ну и намучился я с ним при переезде. Зато теперь растение благодарило меня за заботу красотой своих цветков и чудесным лёгким ароматом.

Я включил свет, снял верхнюю одежду, умылся и включил газовую конфорку под доисторическим эмалированным чайником. После шестичасового нахождения в снежном аду кружка тёплого чая была тем, что требовалось в первую очередь. За чашкой чая можно записать в журнал и обдумать события, произошедшие во время обхода.

Выбор провизии на ужин невелик, но всё же он был. Пельмени или вареники, хранившиеся в изрядном количестве в импровизированной холодильной камере в неотапливаемой прихожей. Банки тушёнки, крупы, макаронные изделия и супы быстрого приготовления. Если не считать засушенные и запасённые с лета компотные смеси, то вот и весь скудный список пропитания. Всё меню ресторана под названием «В жопе мира». Пельмени я делал сам из мяса, что иногда приносили благодарные местные. Сам я за всё время пребывания здесь не убил ни единого зверя или птицы. Приносили мясо, в основном оленину, иногда рыбу, в благодарность, как они говорили, за мою нелёгкую службу участкового. Хотя, если подумать, что может быть проще? Ни тебе наркоманов, ни пьяниц, вообще никаких проблем. Если не брать в расчёт вчерашнюю пропажу собаки и порчу лодки, то работать тут

- как работать участковым в раю. Ни одного грешника в радиусе пятисот километров.

Я открыл рабочий ноутбук, включил на нём программу отслеживания установленных трекеров, чтобы убедиться, что никакой медведь не ошивается возле маяка.

Странно, но согласно истории программы датчик номер двадцать шесть действительно будто пролетел надо мной в юго-восточном направлении. Это уже никак нельзя свалить на неисправное оборудование. Спутники никогда ещё не ошибались. Датчик номер двадцать шесть, почему именно он? День, когда я его поставил, я не забуду до конца жизни. Страшнее со мной ничего не случилось, даже несмотря на двадцативосьмилетнюю карьеру в силовых структурах. Этот медведь дал мне понять, что я не так уж сильно хочу умирать, как думал до этого.

Два месяца назад, возвращаясь с очередного обхода, я заметил метрах в пятидесяти огромный неподвижный силуэт медведя. Тот сидел на противоположном берегу небольшой безымянной речки. Он что-то ел и не обращал на меня никакого внимания. Таких огромных зверей я никогда, ни до, ни после не видел. А если не видел, то на нём точно нет датчика. Винтовка с транквилизатором была при мне и я, недолго думая, прицелился и плавно нажал на курок.

Я точно не знаю, на какой вес зверя рассчитана одна доза, но этому медведю она явно оказалась недостаточной. Сразу после того, как дротик воткнулся ему в бок, медведь

с неожиданной ловкостью подпрыгнул, словно испуганная кошка, и приземлился, смотря в мою сторону. Гигант рванул ко мне со скоростью гепарда. Первая мысль, возникшая у меня в голове – бросить винтовку и бежать, но трезво взвесив свои шансы убежать от него, я принял решение выстрелить в него ещё раз.

Почему не делают автоматы Калашникова с транквилизаторами? С однозарядной винтовкой не так-то просто быстро выстрелить второй раз. Следующим дротиком я попал ему в переднюю лапу, когда медведь уже перебежал речку. Тогда я понял, что произвести третий выстрел уже не успею и, бросив винтовку с рюкзаком, дал дёру без оглядки. Но, отбежав всего на пару десятков метров, услышал громкий рёв и звук падающего на землю животного. Передо мной лежал не обычный медведь, а какой-то медвежий царь. Я с трудом смог поднять его лапу, которая, к слову, сильно превосходила размерами мою голову. Один удар такой лапищи - и я развалился бы минимум на четыре части, как брошенный ребёнком об стену трансформер. Быстро поставив датчик, я поспешил оттуда удалиться. Хрен его знает, как быстро прекратится действие транквилизатора на подобном монстре.

И сейчас программа говорит мне, что кто-то смог перенести его по воздуху? Общеизвестный факт – медведи не летают. Тогда как такое могло случиться? Браконьеры? Но где же они тогда посадили самолёт? Ближайшая взлётно-посадочная полоса в Норильске. Медведь погиб, и хищная птица

улетела с его ухом, на которые я крепил датчики? Вопросов на сто процентов больше, чем ответов.

И почему полетел именно на юго-восток? В том направлении кроме бесконечных озёр и болот находится только Мёртвая гора, часть горной цепи Бырранга. После неё на многие сотни километров ничего кроме ледников, сибирской тайги, озёр и рек.

Мёртвой горой её называли коренные жители, не забыв упомянуть и то, почему она получила такое название. Говорят, на ней нет ни единой живой души. Независимо от времени года и погоды, вы никогда не увидите там ни животных, ни птиц, ни даже насекомых. Местные племена столетиями избегали её, обходя её подножие за несколько сотен метров. Даже случайный взгляд на неё считался у местных дурным знаком, который неминуемо закончится болезнью.

Если верить карте, гора находилась в двадцати пяти километрах от границ земли, за которой я должен следить. Возле неё я никогда не был и до этого дня желания пойти туда не возникало. И не потому, что боялся местных суеверий, злых духов или ещё чего-то. Я предпочитал покидать своё жилище только при условии, что вернусь назад до наступления темноты. Если ты уходишь в лес, зная, что придётся заночевать там, ты вынужден брать с собой лишних семь-восемь килограмм веса, что значительно уменьшает расстояние, которое ты можешь пройти.

Выпив чая с бутербродами и немного отдохнув, я приго-

товился идти к Кирпичу. Погода постепенно пришла в норму. Ветер стих, снег перестал падать, как из рога изобилия, небо прояснилось. Казалось, стоит слегка потрясти окружающий меня мир, словно стеклянный снежный шар, и окажешься внутри зимней сказки.

По пути меня не отпускала мысль о том, что череда из трёх случившихся странных событий - лишь начало чего-то куда большего и куда более страшного. Любая из версий произошедшего казалась либо смешной, либо неправдоподобной. Ещё эта чёртова гора влезла в уравнение, в котором и так одни неизвестные.

Глава 5. Лодка

Таймыр

- Здравия желаю, товарищ полковник. Новых медведей не встретили сегодня? - поприветствовала меня управляющая гостиницей.

Она достала из кармана мундштук с уже вставленной в него сигаретой и прикурила зажигалкой Зиппо, отражающей солнечный свет подобно зеркалу. Одна её сторона была украшена стилизованным изображением танцующего человека.

- И вам того же. Сегодня тишина. Чему я, кстати говоря, весьма рад. Как там наши дела с постояльцами? Никто не решил добраться до Норильска пешком или вплавь?

- Вчера ночью братья Радищевы, геологи, Кирилл и Пётр, пытались уговорить моего брата довести их до материка на вездеходе. Думаю, вы уже наслышаны, чем заканчивались подобные попытки. В целом люди немного успокоились. Скорее всего, смирились со своей участью.

- Хорошо, рад это слышать. Не то, что двое пытались покончить с собой не самым приятным способом, а про спокойствие. Толпа людей разбегающихся в разные стороны нам тут сейчас не нужна. Расскажите им во всех подробностях о том, что случается со смельчаками на вездеходах, решивших пересечь болота, реки и горы. Во всех красках. Думаю, это

поможет немного охладить их пыл.

За два месяца я слышал несколько подобных историй, каждая из которых была страшнее предыдущей. Но начало и конец у всех одинаковый. Вездеход застревает в одной из многочисленных речушек, в конце все погибает. А вот уже середина истории всегда разная, но я насчитал не так много вариантов. Медведь-людоед терпеливо ждёт, пока пассажиры выйдут из вездехода, потом их разрывает на куски. Люди застревают посреди ледяной пустыни, у них кончается запас еды и кому-то, в конце концов, приходит мысль о том, что в каннибализме, в принципе, нет ничего плохого, если дело касается своей жизни. Или люди просто тихо сходят с ума, будучи запертыми в стальную коробку.

Управляющая с шумом вдохнула последний сигаретный дым. С явным отвращением вытащила сигарету из мундштука, швырнула её на землю и несколькими резкими ударами ноги втоптала в снег.

- Надо позвать на помощь Гиппократу нашего. Вот у кого этих историй неиссякаемое количество, так это у него. Дай бог памяти. Вроде, за его время работы здесь через его руки прошло около трёх десятков подобных бедолаг.

- Сколько он уже здесь работает?

- Да лет пятьдесят уже, поди. Других врачей я тут и не припомню.

- Выходит, около нуля целых семидесяти пяти сотых бедолаг в год. Остаётся надеяться, что этот год закончится без

потерь.

- За своих-то я не волнуюсь, у нас хватит мозгов не рисковать жизнью впустую. А вот за остальных не ручаюсь. К каждому ведь человека не поставишь, чтобы отговаривать от необдуманных поступков.

- Можно, конечно, на первое время поставить по полицейскому у каждого подъезда и выезда. Придётся обойтись одним, который будет периодически сюда заходить. Я сегодня поговорю с нашими постояльцами. Хотя, уверен, они и так понимают, во что вляпались.

- Неплохо было бы для начала найти виновного в порче лодки. Это хоть немного успокоило бы людей. И не только их, меня успокоило бы вместе с ними. Не очень легко продолжать жить обычной жизнью, не понимая, что происходит. Ведь кому-то понадобилось, чтобы люди здесь остались. Зачем?

- Задаюсь теми же вопросами. Кто и зачем. Скоро мы об этом узнаем. Не думаю, что это задача неразрешимая.

Управляющая сдвинула рукав и взглянула на часы.

- Дай бог. Вы меня извините, пора заниматься гостиничными делами.

Я попрощался с ней и направился к местному механику. Планировал договориться с ним о том, чтобы с помощью вездехода вытащить утопленную лодку на берег. То, что сначала показалось укусами гигантской акулы, при ближайшем рассмотрении могло оказаться чем-то другим. Напри-

мер, следами от электрического инструмента.

Механик стоял у гаража, вытирая руки от масла. Собственно, я не могу вспомнить ни одного дня, когда бы я встречал его при других обстоятельствах.

- День добрый, товарищ полковник. Чем могу быть полезен? Надеюсь, вы здесь не для того, чтобы просить меня отвезти вас на материк?

- И вам не хворать. Нет, если я соберусь, то пойду пешком, - улыбнулся я, - я здесь по другому делу. Хочу вытащить лодку на берег для осмотра. А то версия с огромной акулой никак не укладывается у меня в голове.

Механик последний раз протёр руки и бросил тряпку в мусорное ведро.

- Да без проблем. Но я болею за версию с огромной акулой. Это привлекло бы сюда толпы туристов с охотниками на монстров, и бизнес сестры пошёл бы в гору. Нам тут сильно не хватает каких-нибудь НЛО или парочки чудищ вроде гигантской акулы.

- Понимаю. Порча лодки человеком вряд ли привлечёт сюда туристов. Хотя, если задуматься, то восемнадцать человек уже привлекло. Но я склоняюсь к версии, что это всё-таки дело рук человеческих. Опираюсь исключительно на личный опыт. Даже в самых странных делах всегда виноватым оказывался человек, а не Йети, Лох-Несское чудовище или марсиане.

Он похлопал себя по нагрудному карману, проверяя на-

личные ключей.

- Так сейчас и узнаем. Только схожу домой за ключами. Идите к лодке, я подъеду через пару минут.

Погода была удивительно спокойная. Ни малейшего ветра или снега. На полпути я смог рассмотреть бетонные блоки, единственное, что указывало на наличии пристани.

Поверхность воды была гладкой, как зеркало. Не то что волн, на ней не были даже малейшей ряби.

Механик подъехал спустя минуту после меня.

- Повезло, лёд ещё не сковал море. Через пару дней нам уже лодку было бы не вытащить, - сказал он, выглянув из окна вездехода.

Встав к берегу как можно ближе, он вышел из кабины и стал разматывать лебёдку с внушительного вида крюком на конце.

- Держите крюк. Попробуйте зацепить на лодке за что-то, что не сразу отвалится или, что было бы гораздо лучше, вообще не отвалится. Махните рукой и будем тащить.

Я взял крюк и пошёл по деревянному помосту, пытаюсь понять, куда именно зацепить крюк. Мои знания о строении лодок были более чем поверхностны.

Я наудачу зацепил крюк за железный бортик на носу лодки и дал отмашку механику. Лодка сдвинулась на пару десятков сантиметров. На берег вытащили кусок железного борта.

На второй раз я пробил крюком лобовое стекло лодки и бросил его внутрь кабины. В результате лодка, лишившись

половины палубы, оказалась на берегу.

При ближайшем рассмотрении то, что раньше казалось следами от укуса, оказалось следами от какого-то инструмента с угловатым лезвием.

- Это чем такое можно сделать? – спросил меня механик.

- А хрен его знает. Какая-то кирка с согнутым углом остриём. Ничего подобного не видел. У нас же тут застряло несколько геологов, вот их и надо спросить, вдруг они чем-то таким пользуются.

Я поблагодарил механика за помощь. Он хотел подвезти меня до Кирпича, но я отказался, решив ненадолго остаться наедине со своими мыслями. Сфотографировав на телефон повреждения на лодке, я двинулся к Кирпичу.

Геологи сразу узнали отметины. Такие следы мог оставить один из их инструментов, большой молоток для взятия образцов. При осмотре обнаружилось, что один из трёх молотков исчез.

Поговорив с ними, я выяснил, что все они рвались покинуть Таймыр, и ни у кого из них не было ни единой причины здесь оставаться, так что они сразу выпали из списка подозреваемых.

Опрос остальных застрявших ни к чему не привёл. Никто ничего не слышал, не видел, и никаких мыслей по данному поводу не имеет. Словно я опрашивал палату слепоглухонемых пациентов.

В гостинице не хватало лишь одного человека. Той самой

хозяйки пуделя, по совместительству главы зоологической экспедиции. К счастью, поселение крошечное и найти её не заняло бы у меня много времени. Я спустился вниз, вышел из подъезда и стал осматривать следы. За этим занятием меня застал выходящий на улицу владелец лодки.

- Рад вас видеть снова, товарищ полковник. Что-то потеряли? – спросил он меня и улыбнулся во все тридцать два.

- Скорее кого-то. Вы Марину Ермолаеву сегодня не видели? Хозяйку улетевшего в неизвестном направлении пуделя.

- Вам никто не сказал? Она сегодня всё утро грозилась отправиться на поиски своего зверя. Я бы поставил свою лодку на то, что именно это она и сделала.

- Благодарствую. Может, вы вспомните, в какой обуви она была? Эта информация была бы очень полезна.

- Пожалуйста, не называйте меня на Вы! Мне тридцать, а вы возрастом с моего батю. Зовите меня Леонид, или Свифт. Свифт даже лучше, привычнее.

- Хорошо, Свифт. Привычка такая, называть всех на вы, а не по прозвищу. Не на той стороне я тридцать лет проработал. Я Сергей или товарищ полицейский. Можно ещё настоящий полковник, за это стоит благодарить местных жителей. Товарищ полицейский гораздо привычнее.

- Ха, знали бы вы, что вам тут дадут такую погремуху, приехали бы сюда в генеральском чине. Про генералов, вроде, известных песен нет.

- Да, всё это, конечно, весело, но не могли бы мы вернуть-

ся к суровой действительности? А именно к обуви.

- Так, так. Одну секунду. Попробую вспомнить.

Свифт снял кепку и принялся с задумчивым видом чесать макушку.

- Вроде, какие-то высокие треккингвые ботинки. Цвет не скажу, коричневый или тактический оливковый.

- Можешь подняться к ним на четвёртый этаж и найти там похожие ботинки? Так будет быстрее.

Свифт утвердительно качнул головой и быстро побежал по лестнице. Через секунд тридцать он уже стоял возле меня с парой коричневых треккингвых ботинок в руках.

- Вот, точно такие же, только размером поменьше.

- Благодарю за помощь.

Я взял один ботинок и надавил подошвой на снег. Одна цепочка следов с тем же протектором меньшего размера вела за угол гостиницы.

- Я немного прогуляюсь. Пора поставить точку в истории с собакой. Хотя предчувствие на её счёт у меня нехорошее. Скорее всего, она уже кормит чьих-то птенцов.

- Я могу пойти с вами, вдвоём шансов найти будет больше.

Времени у меня не оставалось и мне не очень хотелось, чтобы он тащился за мной. Поэтому сказав ему, что одного человека вполне хватит, чтобы идти по следу, отправился один на юго-восток.

Глава 6. Кому жить, а кому умереть

Москва

Два последующих месяца после смерти внука были лишь боль и слёзы. Нескрываемые – дочери, и мои, когда никто не видел. Я боролся со своей болью как мог и пытался помочь дочери с её, но, как оказалось, вышло у меня это крайне плохо. Пару раз я, чтобы приглушить боль, прикладывался к бутылке, хоть и обещал дочери бросить навсегда. И, чем ещё больше не горжусь, принял наркотик и воспользовался услугами проститутки. Но, что бы я ни делал, чувство потери не прекращало рвать изнутри, нерв за нервом, клетку за клеткой.

Ещё до того, как у меня родилась дочь, алкоголь помогал мне пережить почти любую проблему. Я даже придумал некую небольшую философию. Любая твоя проблема куда легче крепкого алкоголя, заливаешь его в себя, и проблемы поднимаются наверх, словно пивная пена, тебе лишь остаётся лёгких дуновением сдуть их на землю. Раньше это работало именно так, но сейчас всё кардинально наоборот. Спирт лишь ещё больше разжигал пламя сжигающее меня, гоня в голову мысли одну хуже другой.

Масло в огонь саморазрушения подливало и то обстоятельство, что виновника аварии, малолетнего ублюдка, на полной скорости выехавшего со двора перед машиной мо-

ей дочери, сделали свидетелем по делу. Вроде как он сидел на пассажирском месте, но моя дочь клялась мне, что именно он был за рулём. Вместо него посадили его, очевидно, купленного, друга. Правосудие оказалось бессильным против власти его отца, губернатора чёрт знает какой области. Жил сынок, разумеется, не у себя в области, а в центре, в столичных хоромах.

Маша неоднократно заводила со мной крайне неприятные для меня разговоры.

- Отец! Ты же видишь, судебная система не работает против таких нелюдей. Он убил твоего внука, твою кровь! Этой твари не место свободе, или вообще среди живых. Ты же на работе имеешь дело со всякими отморозками, я дам денег сколько скажут. Я не знаю, пусть подбросят ему наркотики или устроят ему передоз. Нет справедливого возмездия по закону, пусть будет кровь за кровь, - кричала она так, что люди могли слышать в соседних домах.

Какое-то время я возражал, говоря, что пришёл в органы служить закону, а не вершить кровную месть. Ещё находил в себе силы надеяться на правосудие, но со временем, глядя на то, как убивается, сгорает дочь, моё терпение иссякло, и я решил воздать парню по заслугам. К тому же последние дни она резко замолчала, словно вообще забыла о произошедшем, что меня не на шутку испугало. Уж не задумала ли она совершить какую глупость своими силами.

Мне понадобилось несколько дней, чтобы изучить прими-

тивный распорядок ублюдка. Нигде не работающий и не учащийся девятнадцатилетний Олег Попов жил в своё удовольствие в центре столицы, в пятикомнатной квартире с видом на Москва-реку. Каждый его день проходил по одному сценарию, как у полного вредных привычек и гормонов молодого парня, никогда не знавшего нужды в деньгах.

С самого утра из его квартиры начинают выползать ночные гости, девушки и парни в не до конца восстановившемся после попойки и приёма наркотических средств состоянии. Олег выходит либо ближе к вечеру, либо с началом ночи, иногда с кем-либо в обнимку. Если ближе к вечеру, то едет по модным бутикам, тратит кучу отцовских денег и только потом в какой-нибудь клуб. Если выходит из квартиры с началом ночи, то сразу едет в клуб. При этом, пьяный или обдолбанный, он всегда находится за рулём одного из своих спортивных автомобилей. И что самое важное, я увидел его поставщика наркотиков, Александра Шкурова по кличке «Шкура», эдакого продавца дурмана для московской элиты.

Чем дольше я за ним наблюдал, тем больше мною завладевала тьма. Становилась всё гуще и непрогляднее, превращая моё желание справедливого наказания для парня в непреодолимую жажду убить и сделать это как можно болезненнее. Настолько, чтобы, если ему и суждено переродиться, он запомнил мою месть на многие жизни вперёд.

Всё случилось в воскресенье, тринадцатого июля.

Глава 7. Поиски и смерть

Таймыр

Если не считать огромную снежную бурю на горизонте, то погода пока оставалась спокойной и, казалось, способствовала сохранению следов. Они уходили ровной тонкой полоской мимо занесённой снегом вырванной оконной створки в бесконечную белую даль.

Не имея в уравнении точного времени, когда женщина вышла, я не мог рассчитать, как далеко она могла уйти. Я никогда не отличался особыми знаниями о погоде, движении туч и тому подобном, но за последние три месяца за многим пришлось наблюдать своими глазами. При слабом ветре, таком как сейчас, тучи от горизонта добираются до маяка приблизительно за полтора-два часа. Надвигающаяся буря, как минимум, сделает невозможными поиски, а как максимум, мгновенно сотрёт все следы на снегу, и я не смогу найти обратный путь. Так что попасть в бурю посреди снежной пустыни я хотел меньше всего.

Единственное, на что я мог ориентироваться, так это на среднюю скорость, с которой способен идти взрослый человек вроде меня. Около четырёх километров в час. Выходит, чтобы успеть вернуться до непогоды, я могу пройти по следам четыре километра.

Решив не терять ни минуты, я поставил таймер на пять-

десять пять минут и пошёл по следам. На несколько километров вокруг пейзаж можно сравнить с огромным заснеженным футбольным полем, на котором чья-то скупая рука за чем-то разбросала кучками крошечные деревья. Абсолютно никаких ориентиров, кроме оставшейся позади пятиэтажки. Марину не испугала перспектива блуждать много часов с сомнительным результатом и высокой возможностью заблудиться, почему я должен бояться? Если хорошенько подумать, то что мне терять, кроме вконец опостылевшей жизни?

От неприятных мыслей меня отвлек неожиданный крик:

- Пожалуйста, подождите.

Я обернулся. Со стороны Кирпича, в сотне метрах от меня, спотыкаясь, бежал человек. Это был Андрей, один из команды зоологов.

- Извините, я услышал, что Марина ушла на поиски этого проклятого пуделя. Меня зовут Андрей, я из группы Марины. Глупо ей подвергать свою жизнь опасности из-за этого шерстяного балласта. Я с самого начала знал, что брать его сюда не стоило, будут сплошные проблемы. Хотя бы потому, что, захоти он сбежать, на фоне снега искать белого пуделя будет гиблым делом. А она его чертовски любит.

- Я помню, кто вы, мы с вами разговаривали двадцать минут назад.

Я продолжил идти. Мужчина не отставал.

- Я пойду с вами. Обещаю, я не устану и не превращусь в обузу. На моём счету несколько восхождений на Эверест

и одно на Чогори. Если вы в теме, то знаете, что второе стоит десяти первых. Прогулку по снежной равнине я уж как-нибудь переживу.

Я почти не понимал, о чём он говорил, что за Чогори такое, но раз он прошёл что-то, что в десять раз сложнее Эвереста, он определённо может составить мне компанию.

- На улице около двадцати, ветра пока нет. По крайней мере, пока вон та буря до нас не доберётся, - он рукой показал в направлении надвигающейся снежной стены, - а это, думаю, часа полтора. Марина одета тепло, так что с ней ничего не должно случиться. Не замёрзнет уж точно.

- Марина, должно быть, хорошая руководительница, раз вы пошли за ней. Вы ведь прекрасно понимаете, чем может закончиться наш поиск, если мы попадём в бурю.

- Она мне должна крупную сумму.

- Об этом варианте я как-то не подумал. Видать, теряю профессиональную хватку.

- Да я шучу. Она должна ответить мне на один вопрос.

- Учитывая обстоятельства, это что-то важное. Обручального кольца у неё, впрочем, как и у вас, я не видел. Я в правильном направлении мыслю?

Андрей хотел было что-то сказать, но передумал и полез во внутренний карман куртки. Спустя мгновение извлёк оттуда маленькую бархатную коробочку синего цвета. Внутри, как и следовало ожидать, лежало золотое кольцо с внушительного вида бриллиантом.

- Если я скажу «Да», зиму мы тут не переживём. Нас пристрелят. Так что я вынужден отказать. Дело не в тебе, дело во мне, давай останемся просто друзьями, - сказал я.

- У меня была версия, что моя демонстрация кольца закончится шуткой. Я и сам не удержался бы, - рассмеялся он и быстро спрятал коробочку обратно.

- Она не хотела афишировать наши отношения, и я планировал сделать предложение в Питере, по возвращении. Но некий злой гений вмешался в мои планы, затопив лодку, и приходится выкручиваться. А я, надо сказать, никогда не был силён в импровизации.

- Ничего страшного, сейчас найдём её, пригласишь её в крутой местный ресторан, и всё случится само собой.

Приблизительно через час, когда мы обогнули небольшой холм, следы привели нас к одной из зарослей местных карликовых деревьев, размерами напоминающее мой дачный участок в девять соток. Цепочка следов огибала его справа и бесследно исчезала.

- Она сильно замедлила шаг на последних метрах, а затем прыгнула в эти заросли, - сказал я, показывая на следы и вероятное место, куда прыгнула Марина.

Тем временем снежная буря начала показывать свои зубы. За несколько сот метров от нас стена снега поднималась вверх, не предвещая ничего хорошего. Нужно было уходить как можно скорее, пока мы не сгнули в белой пучине.

- Что могло заставить её так поступить? Прыгнуть в кусты.

Она что-то увидела? - спросил меня Андрей.

- Увидела или услышала, - ответил я.

Внезапно Андрей стал кричать, зовя Марину.

- Тише, Андрей, не кричи, - раздался женский голос в нескольких шагах от нас, из зарослей.

Андрей побежал на голос. Я тем временем отошёл на несколько метров в сторону и заметил довольно странные следы. След напоминал медвежий, но был гораздо больше тех, что я видел обычно. Судя по размеру след принадлежал тому самому гигантскому медведю под номером двадцать шесть, устройство слежения которого вчера пролетело мимо меня. Только вот следы когтей располагались на разном расстоянии от следа. От нескольких сантиметров до пары десятков. Каждый отпечаток в цепочке был окружён несколькими маленькими собачьими следами, словно возле медведя шли несколько некрупных собак. Должно быть, у пуделя следы похожего размера.

- Идите сюда, не стойте там, тварь может вернуться, - услышал я голос Марины и зарослей.

Наверное, тот самый медведь, номер двадцать шесть, шагает где-то поблизости. Что тогда со следами пуделя? Откуда они в таком количестве? Пудель увязался за медведем и ходит за ним, как приклеенный?

Чем стоять и гадать, проще ведь пойти к Марине и спросить у человека, который наверняка знает все ответы.

Я не без труда пробрался сквозь сплетённые, словно плот-

ная деревенская ограда, дерева. Марина разгрела снег, соорудив небольшое импровизированное укрытие. Она сидела внутри, высоко подняв воротник и натянув шапку почти до самых глаз. На её лице застыло выражение неподдельного ужаса.

- Что здесь случилось? – спросил я её.

- Спрячьтесь поглубже и говорите шёпотом. Вы мне не поверите, пока сами не увидите. А вы скоро увидите, поверьте мне. Эта тварь патрулирует здесь, ходит туда-сюда. Если она вас увидит, разорвёт в считанные секунды.

- Под тварью вы имеете в виду огромного белого медведя? Если так, то я с ним встречался на второй работе, так сказать.

- Не совсем медведь. При всём желании я не смогу описать это существо. А я, чёрт возьми, имею докторскую степень в зоологии. Такого я никогда не видела. Извините меня, но это какая-то сраная межвидовая эклектика. Такого не должно существовать в природе, тварь просто-напросто противоречит ей. А знаете, что в ней самое страшное?

Мы с Андреем одновременно пожали плечами, глядя на неё.

- Мне кажется, я узнаю в ней свою Дороти.

- Это как так? – удивился Андрей.

Собственно, удивился не он один. Уж не переморозила ли ненароком Марина свою голову? Или она находится под воздействием изменяющих сознание веществ? Чёрт его знает, что может привидеться наркоманам. Помню, как-то аресто-

вывал одного наркомана под химкой, а он при этом называл меня Сатаной, крестил как какой-нибудь священник и безуспешно пытался вспомнить Отче наш. Он, кстати, неплохо умудрился меня описать. Огромные пылающие рога, три глаза, копыта, под которыми горит линолеум и всё в таком духе. Я аж в зеркало посмотрел.

Пропал любимый питомец Марины, потом она узнала, что застряла здесь минимум на семь месяцев. Кому-то и этих неприятностей может хватить, чтобы сорваться. Хотя запаха алкоголя от неё не исходило, речь у неё не сбивчивая и не спутанная, зрачки не расширены. Но я не хотел верить в то, что она говорит. Проще поверить в огромного медведя, вокруг которого бегают пудель со Стокгольмским синдромом.

- Я сама не понимаю, как это возможно, но я узнаю в этой твари её черты.

По лицу девушки потекли слёзы. Андрей прижал её к себе и стал, как мог, успокаивать.

Ветер стал заметно усиливаться, поднимая с земли всё больше снега. Заросли вокруг нас начали зловеще шелестеть и трещать, словно предупреждая о надвигающейся беде.

- Пора уходить. Ещё минут пять, и мы не увидим собственного носа. Обсудим случившееся внутри гостиницы, под защитой стен, за чашкой чая или чего покрепче. Нам около часа идти, буря наверняка нас нагонит на полпути.

- Он прав. Попасть в бурю – всё равно что заблудится, а те истории, в которых, кто-то заблудился в снегах, редко

заканчивались хорошо. Марин, пошли скорее.

- Ну ладно, давайте пойдём, - не без колебаний согласилась девушка.

Девушка не без труда встала, огляделась по сторонам и стала выбираться из зарослей.

Андрей обогнал её и стал пригибать перед ней небольшие деревца и ветки. Я пошёл за ней следом.

В следующий момент налетел шквальный ветер, принеся с собой изрядную массу снега. К сожалению, снег и холод были не единственным, что принёс с собой ветер.

У меня на поясе сработал датчик приближения одного из моих детекторов. Бип, бип, бип. Сигнал быстро ускорялся. Животное приближалось очень быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.